

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ДОНАТО
КАРРИЗИ

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

Девушка в тумане

Женщина с бумажными цветами

Подсказчик

Теория зла

Донатто
КАРРИЗИ

ПОДСКАЗЧИК

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
К 26

Donato Carrisi
IL SUGGERITORE
Copyright © Longanesi & C., 2009 – Milano
All rights reserved

Перевод с итальянского
Ирины Заславской под редакцией Аллы Борисовой

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16489-5

© И. М. Заславская, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Тюрьма [REDACTED]
Пенитенциарный округ № 45
Рапорт начальника, д-ра Альфонса Беранже

В канцелярию
Генерального прокурора
Ж. Б. Марена

Тема: КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Уважаемый господин Марен!

Осмелюсь написать Вам о весьма странном случае, произошедшем с одним арестантом.

Речь идет о заключенном под номером РК-357/9. Мы называем его только по номеру, поскольку он не пожелал открыть нам свое имя.

Полиция задержала его 22 октября. Человек бродил ночью — один и без одежды — по деревенской улице района [REDACTED].

Сопоставление отпечатков пальцев с теми, что содержатся в архивах, полностью исключает его соучастие в предыдущих правонарушениях, равно как и в преступлениях, оставшихся нераскрытыми. Однако упорный отказ назвать себя, в том числе и в зале суда, стоил ему приговора к четырем месяцам и восемнадцати дням тюремного заключения.

С момента поступления в исправительное учреждение заключенный РК-357/9 ни разу не нарушил дисциплину и неизменно соблюдал тюремный распорядок. По характеру этот человек довольно замкнут и не склонен к общению с окружающими.

Возможно, именно поэтому никто до сих пор не заметил странного поведения, лишь недавно привлекшего внимание одного из наших надзирателей.

Заключенный РК-357/9 протирает суконной тряпочкой все предметы, с которыми соприкасается, собирает все волоски, выпадающие у него за день, до блеска начищает столовые приборы и унитаз всякий раз после их использования.

Иными словами, мы имеем дело с маньяком гигиены или же — что более вероятно — с человеком, который ни под каким видом не желает оставлять органический материал.

Вследствие этого у нас возникли серьезные подозрения, что заключенный РК-357/9 совершил особо тяжкое преступление и намерен помешать нам получить анализ ДНК для его опознания.

До нынешнего дня он содержался в одной камере с другим заключенным, который явно содействовал ему в сокрытии биологических следов. Но мы пресекли это сообщничество, переведя его в одиночную камеру, о чем уведомляю Вас.

Прошу дать поручение Вашим подчиненным провести надлежащее расследование и при необходимости срочно получить постановление суда на взятие у заключенного РК-357/9 анализа ДНК.

Прошу также учесть тот факт, что через 109 дней (12 марта) срок его заключения истекает.

Заверяю Вас в моем низжайшем почтении,

начальник тюрьмы
д-р Альфонс Беранже

1

*Место в окрестностях В.
5 февраля*

Его доставил вертолет, который по памяти, словно ночная бабочка, уверенно летел сквозь ночь. Чуть трепетали пыльные лопасти, облетая засады гор, безмолвных, словно великаны, уснувшие плечом к плечу.

Над ними расстиралось бархатное небо. Внизу шумел густой лес.

Пилот обернулся к пассажиру и указал ему на громадный белый котлован в земле, похожий на раскаленное жерло вулкана.

Вертолет повернул в том направлении.

Спустя семь минут они приземлились на обочине автострады. Магистраль была перекрыта, и район оцеплен полицией. Человек в синем костюме подошел встретить пассажира под самый винт, придерживая трепетавший на ветру галстук.

— Добро пожаловать, доктор, ждем вас, — постарался он перекричать шум моторов.

Горан Гавила не ответил.

Спецагент Стерн продолжал:

— Пойдемте, я вам все объясню по дороге.

И они направились по неровной тропке, оставив за спиной гул вертолета, который снова взлетел, ввинчиваясь в чернильное небо.

Туманная завеса скользила, как саван, обнажая очертания холмов. Вокруг плыли растворенные в ночной влаге запахи леса, пронизывая одежду и добираясь до тела.

— Все было непросто, уверяю вас. Словами не передашь, это надо видеть.

Агент Стерн шел на несколько шагов впереди Горана, раздвигая ветви кустов, и, не оборачиваясь, продолжал рассказывать:

— Все началось сегодня утром, около одиннадцати. Двое ребяташек шли по тропинке со своей собакой. Входят в лес, поднимаются на холм и оттуда спускаются на поляну. Собака — лабрадор-ретривер, они любят копать, сами знаете... Словом, пес вдруг почуял что-то, стал сам не свой и как начал копать. Тут первый и вылез.

Горан сдерживал шаг, поскольку растительность на холме становилась все гуще, а сам склон — все круче. Он заметил у Стерна небольшую прореху на штанине, возле колена, — стало быть, этой ночью он немало побродил среди этих зарослей.

— Ребятишки, разумеется, сразу убежали и доложили местной полиции, — продолжал агент. — Те приехали, осмотрели местность, рельеф, стали искать улики. Все как положено. Потом кому-то стукнуло в голову выкопать другую яму — нет ли чего еще.... И вот он, второй! Тогда они вызвали нас. Мы ведь тут с трех часов торчим. Кто знает, сколь их там под землей? Ну вот, прибыли мы, значит...

Перед ними открылась небольшая поляна, освещенная прожекторами, — световое жерло вулкана. Внезапно запахи леса исчезли, и обоим в нос ударила характерная вонь. Горан поднял голову, потянул ноздрями:

— Фенол.

И увидел.

Круг небольших могил. И людей — человек тридцать — в белых комбинезонах, которые в этом марсианском га-логеновом свете раскапывали ямы лопатками и осторож-

но расчищали их метелками. Кто-то прочесывал траву, кто-то фотографировал и записывал в журнал каждую находку. Движения их были замедленными, жесты — точными, обдуманными, но словно бы под гипнозом, и всех окутывала какая-то сакральная тишина, которую время от времени нарушало лишь слабое щелканье вспышек.

Горан выделил среди них агентов Сару Розу и Клауса Бориса. Еще там был Рош, старший инспектор, который узнал его и тут же широкими шагами двинулся навстречу. Он собирался что-то сказать, но доктор опередил его вопросом:

— Сколько?

— Пять. Каждая длиной пятьдесят сантиметров, шириной двадцать и пятьдесят глубиной... Что, по-твоему, хоронят в таких ямах?

Во всех одно и то же. Одно и то же.

Криминолог сверлил его глазами в ожидании ответа.

И дождался:

— Левую руку.

Горан обвел взглядом людей в белых комбинезонах, копошившихся на этом нелепом кладбище под открытым небом. Земля вернула только разложившиеся останки, но корень этого уходил в глубины времени, в нереальное бытие.

— Это они? — спросил Горан, хотя уже знал ответ.

— Судя по анализу ПЦР, это лица женского пола, белые, от семи до тринадцати лет.

Девочки.

Рош произнес эту фразу без всякого выражения. Будто долго сдерживал плевок, от которого горечь разлилась во рту.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Двадцать пять дней назад провинциальный журналист поместил заметку: пропала ученица престижного интерната для детей богатых родителей. Двенадцатилетняя девочка по имени Дебби. Все решили, что это бегст-

во. Одноклассники видели, как она выходила из школы после уроков. Ее отсутствие было замечено только во время вечерней переключки в дортуаре. Сюжет, изложенный снисходительным тоном, занял половину третьей полосы; в благополучном исходе поисков поначалу никто не сомневался.

Затем исчезла Анника.

Десятилетняя девочка из предместья с деревянными домиками и белой церковью. Решили, что она заблудилась в лесу, куда частенько ездила на велосипеде. В поисках приняли участие все жители пригорода. Но безрезультатно.

Прежде чем люди осознали, что произошло на самом деле, грянул третий случай.

Третью звали Сабина, самая маленькая. Семь лет. Случилось это в городе, в субботний вечер. Родители вместе с дочкой отправились в луна-парк, как и прочие семьи с детьми. Там, на карусели, она села на лошадку, рядом было полно других детей. Мать увидела ее на первом круге и помахала ей. На втором помахала снова. А на третьем Сабины уже не было.

Только тогда кое у кого мелькнула мысль, что пропажа трех девочек на протяжении трех дней — явно неспроста.

Были развернуты полномасштабные поиски. Последовали сообщения по телевидению. По городу поползли слухи, что действует один или несколько маньяков, возможно даже банда. По сути, сведения, дающие возможность выстроить более или менее обоснованную версию, у следствия отсутствовали. Полиция установила горячую линию для сбора информации, хотя бы и анонимной. Звонков было сотни; на их проверку ушли бы месяцы. Но никаких следов пропавших девочек так и не обнаружили. В комиссариате полиции никак не могли договориться, под юрисдикцию какого отдела попадает этот случай.

Наконец в дело вступила следственная группа по расследованию особо тяжких преступлений во главе со старшим инспектором Рошем. Поиски пропавших детей не входили в его компетенцию, но общий психоз достиг такого накала, что было решено сделать исключение.

Рош и его группа уже работали вовсю, когда исчезла четвертая девочка.

Мелисса была старше всех — тринадцать лет. Как и всем девочкам в округе, родители запретили ей выходить по вечерам, боясь маньяка, державшего в страхе весь город. Но это вынужденное затворничество совпало с днем ее рождения, и у Мелиссы были на тот вечер свои планы. Они с подружками замыслили побег и решили провести вечер в местном боулинге. Все подружки явились. Не пришла только Мелисса.

После ее исчезновения началась охота на монстра, порой весьма сумбурная, несогласованная. Жители объединились, готовые самолично вершить правосудие. Полиция установила блокпосты на всех дорогах. Проверки всех бывших заключенных или подозреваемых в преступлениях, связанных с малолетними детьми, ужесточились. Родители не отпускали детей одних из дому даже в школу. Многие учебные заведения закрылись ввиду неявки учащихся. Люди покидали свои дома только в самых крайних случаях. Вечером, после восьми часов, города и деревни буквально вымирали.

Какое-то время известий о новых исчезновениях не поступало. И многие начали думать, что принятые меры предосторожности достигли желаемого эффекта — отпугнули маньяка. Но это было заблуждение.

Похищение пятой девочки стало самым скандальным.

Каролина, одиннадцать лет. Ее утащили прямо из постели, в которой она спала рядом с комнатой ничего не заметивших родителей.

Пять девочек за неделю! Потом семнадцать дней за тишь.

До сего момента.

До этих пяти погребенных детских рук.

Дебби. Анника. Сабина. Мелисса. Каролина.

Горан уперся взглядом в круг этих могилочек. В жуткий хоровод ручек. Казалось, вот-вот зазвучит детская песенка.

— Теперь уже ясно, что это не простые исчезновения, — говорил Рош, подзывая к себе команду.

Обычная практика. Роза, Борис и Стерн подошли и стали слушать, опустив глаза в землю и сцепив руки за спиной.

— Я думаю о том, кто привел нас сюда в этот вечер. О том, кто все это предвидел. Мы здесь, потому что *он* так захотел, это *его* замысел. И все это он устроил для нас. Этот спектакль для нас, господа. Только для нас. Тщательно подготовленный спектакль. Он предвкушал этот момент и нашу реакцию. Хотел ошеломить. Показать, как он велик и всемогущ.

Все закивали.

Кто бы он ни был, этот постановщик, его ничем не проймешь.

Рош, давно включивший Гавилу в группу как полноправного специалиста, вдруг заметил, что криминалист, глядя в одну точку, напряженно о чем-то думает.

— А ты, доктор, что скажешь?

И тогда Горан нарушил воцарившуюся тишину единственным словом:

— Птицы.

Поначалу никто его не понял.

А он после паузы невозмутимо продолжил:

— Я сначала не заметил, только сейчас обратил внимание. Странно. Послушайте.

Из тьмы леса доносилось птичье многоголосье.

— Поют, — удивленно проговорила Роза.

Горан обернулся к ней и кивнул.

— Реагируют на свет. Перепутали прожектора с солнцем. Вот и поют, — пояснил Борис.

— По-вашему, это и есть замысел? — спросил Борис, повернувшись к нему. — Или... пять зарытых рук. Конечности. Без тел. И вы считаете, в этом нет особого зверства. Нет тела — нет лица. Нет лица — нет человека, нет личности. Спрашивается, где же девочки? Ведь их тут нет, в этих ямах. Мы не можем заглянуть им в глаза и потому не ощущаем всей глубины трагедии. Ведь это, собственно говоря, не люди. Это лишь *части*... Они не могут вызвать сострадание. Он не явил нам такой милости. Страх — вот наш удел. Нам не дано оплакивать этих малюток. Он лишь дал нам понять, что они мертвы. По-вашему, это имеет смысл? Стаи птиц кричат во мраке, который прорезал искусственный свет. Мы их не видим, а они наблюдают за нами — тысячи птиц. Что это? Вроде бы обычное явление. А на поверку — плод иллюзии. Вот и надо приглядеться к иллюзионистам: зло порой вводит нас в заблуждение, маскируясь под вполне *обычное* явление.

Все молчали. Казалось, криминалисту вновь удалось выявить вроде бы мимолетный, но навязчивый символический смысл. Тот, который прочие обычно не видят, или, как в данном случае, не слышат. Детали, контуры, нюансы. Тень от предметов, темная аура, в которой таится зло.

У каждого маньяка свой четкий почерк, в котором он обретает удовлетворение, которым гордится. Труднее всего понять его умонастроение. Затем и нужен Горан. Для того-то его и вызвали, чтобы он обнаружил это необъяснимое зло с помощью эффективных средств своей науки.

В этот момент к ним подошел рабочий в белом комбинезоне и растерянно доложил:

— Господин инспектор, тут еще кое-что... *Рук стало шесть.*

Учитель музыки заговорил.

Но ее поразило не это. Такое бывает. Многие одинокие личности высказывают свои мысли в заточении домашних стен. Миле и самой случалось говорить вслух, когда она бывала дома одна.

Нет. Новизна была в другом. Окупилась целая неделя сидения в промерзшей машине, припаркованной перед серым домом; неделя подглядывания в маленький бинокль за перемещениями человека лет сорока, пухлого и рыхлого, который спокойно курсировал по своей небольшой упорядоченной вселенной, повторяя одни и те же жесты, словно ткал ему одному видимый узор паутины.

Учитель музыки заговорил. Новым на сей раз было то, что он *произнес имя*.

Мила следила за тем, как буква за буквой слетают с его губ. Пабло. Это подтверждение, ключ, открывающий доступ в таинственный мир. Теперь она это знала.

Учитель музыки принимал гостя.

Еще десять дней назад Пабло был всего лишь восьмилетним быстроглазым мальчишкой с темно-русыми волосами, который раскатывал по кварталу на своем скейтборде. Это было неизменно: по всем поручениям матери и бабушки Пабло гонял на скейте. Часами мог сновать на этой доске взад-вперед по улице. Для соседей, наблюдавших за ним в окно, малыш *Паблито* (так его все называли) уже стал привычной деталью пейзажа.

Быть может, именно потому в то февральское утро никто из обитателей жилого квартала, знавших друг друга по именам и ведущих однообразную жизнь, ничего не заметил. На пустынной улице появился зеленый универсал «вольво» (недаром учитель музыки выбрал машину, похожую на прочие семейные фургоны на подъездных аллеях). Тишину — такой привычный атрибут субботнего утра — нарушали только ленивое шуршание шин по асфальту и стальное царапанье скейтборда, набирающего скорость. Пройдет шесть долгих часов, прежде чем кто-то заметит, что в звучании субботнего утра не хватает именно этого царапанья и что малыша Пабло холодным солнечным утром поглотила ползучая тень, намертво оторвав его от любимого скейта.

Полицейские, которые после подачи заявления наводнили сонный квартал, окружили доску на четырех колесиках.

Это случилось всего десять дней назад.

Возможно, теперь уже поздно для Пабло. Для хрупкой детской души. Для того, чтобы без последствий вырвать его из кошмара.

Теперь скейт лежит в багажнике полицейской машины вместе с игрушками, одеждой, другими вещдоками, которые Мила буквально обнюхала, чтобы взять след, который привел ее к этой бурой норе. К учителю музыки, что преподает в высшем учебном заведении, а еще играет на органе в церкви утром по воскресеньям. Вице-президент музыкального общества, он каждый год проводит небольшой фестиваль, посвященный Моцарту. Застенчивый холостяк, очкарик с залысинами на лбу и мягкими влажными руками.

Мила рассмотрела его как следует. Наблюдательность — ее талант.

Она шла в полицию с вполне конкретной целью и, закончив академию, всю себя посвятила профессии. Уголовные элементы или закон как таковой ее не интересо-

вали. Не для того она без устали обшаривала каждый закуток, где незаметно кроется чья-то тень.

Прочитав имя Пабло по губам учителя, Мила почувствовала острую боль в правой ноге — то ли от многочасового сидения в машине в ожидании этого знака, то ли от раны на бедре, на которую пришлось накладывать швы.

«Ничего, потом займусь лечением», — пообещала она себе. Потом. А сейчас, едва в голове оформилась эта мысль, Мила приняла решение немедленно войти в тот дом, чтобы разрушить чары и прекратить этот кошмар.

— Докладывает агент Мила Васкес. Обнаружен подозреваемый в похищении малолетнего Пабло Рамоса. Проживает в доме бурого цвета, номер двадцать семь по бульвару Альберас. Возможны осложнения.

— Вас понял, агент Васкес. Направляем двоих патрульных, они будут у вас минут через тридцать.

Долго.

Тридцати минут у Милы нет. И у Пабло нет.

Страх оказаться лицом к лицу с формулой «слишком поздно» заставил ее двинуться по направлению к дому.

Голос из рации звучал далеким эхом, а она, держа пистолет у бедра и бдительно озираясь, мелкими быстрыми шагами добралась до белого забора, которым дом был обнесен только сзади.

Громадный белоствольный платан простирает над ним свою крону. Листья то и дело меняли цвет, по воле ветра показывая серебристую изнанку. Мила подошла к деревянной калитке, прильнула к штакетнику, прислушалась. Время от времени в уши ударяли волны рок-музыки, донесенные ветром бог знает откуда. Мила, вытянув шею, заглянула за калитку и окинула взглядом ухоженный сад, сарайчик, красный резиновый шланг, змеящийся по траве к дождевальной установке. Пластиковую мебель, газовую печь для барбекю. Все тихо. Лилово-сиреневые двери матового стекла. Мила протянула руку и откинула ще-

колду. Петли чуть скрипнули, когда она приоткрыла ка-литку ровно настолько, чтобы протиснуться в сад.

И тут же закрыла: если кто выглянет в окно, ничего не заметит. Все должно оставаться как было. Затем она пошла, как учили в академии, на цыпочках, чтобы не сми-нать траву, готовая ринуться вперед при малейшей необ-ходимости. В несколько мгновений она была уже у чер-ного хода, с той стороны, с которой тени не отбросить, даже если заглянешь в дом. Что она и сделала. Сквозь ма-товые стекла что-либо разглядеть трудно, но по очер-таниям мебели понятно: это подсобка. Мила легонько коснулась дверной ручки и нажала. Послышался щел-чок замка.

Открыто.

Учитель музыки наверняка чувствует себя надежно в берлоге, которую обустроил для себя и своего пленни-ка. Вскоре Миле станет ясно зачем.

Линолеум на полу скрипел при каждом движении ре-зиновых подошв. Она пыталась изо всех сил ступать по-тише, но вскоре поняла, что кеды лучше снять. Босая, она вошла в коридор и услышала его голос.

— Еще мне нужна упаковка кулинарной бумаги. И средство для чистки керамики... да, именно это... Потом купите мне шесть пакетов куриного супа, сахар, телепро-грамму и две пачки сигарет «лайт», обычной марки.

Голос доносился из гостиной. Учитель музыки отда-вал распоряжения по телефону. Слишком занят, чтобы выходить самому? Или не хочет оставлять без присмот-ра своего гостя?

— Да, дом двадцать семь, бульвар Альберас. Благода-рю. И принесите сдачу с пятидесяти, а то у меня больше нет наличных.

Мила двинулась на голос, прошла мимо зеркала, отра-зившего ее в искаженном виде, как в комнате смеха. Когда подобралась к двери комнаты, напрягла руку с пистоле-том, выдохнула и возникла на пороге. Она ожидала за-

стигнуть его врасплох, быть может, спиной к ней и все еще с трубкой в руке, возле окна. Отличная была бы мишень.

Но нет.

Гостиная пуста, трубка лежит на аппарате как положено.

Мила поняла, что никто не говорил по телефону из этой комнаты, когда почувствовала на затылке холодное прикосновение дула.

Он подошел сзади.

«Дура!» — выругала она себя. Учитель музыки отлично обустроил свое логово. *Скрипнувшая* садовая калитка и звук шагов были сигналами постороннего присутствия. Затем он разыграл телефонный звонок, чтобы подманить жертву. А также *кривое* зеркало — оно помогло ему незаметно оказаться у нее за спиной. Все, чтобы заманить ее в ловушку.

Она почувствовала движение руки, протянутой за ее оружием, и выпустила его.

— Стреляй, но тебе все равно не уйти. Скоро здесь будет полиция, так что лучше тебе сдаться добровольно.

Он не ответил. Скосив глаза, она разглядела часть лица. Неужели он улыбается?

Учитель музыки отступил. Пистолет больше не упирался ей в затылок, но Мила не переставала чувствовать магнитное притяжение пули в затворе. Человек обошел ее сбоку и наконец оказался в поле зрения. Он долго смотрел на нее, не глядя в глаза. Что-то в глубине его зрачков показалось Миле входом в преисподнюю.

Учитель музыки спокойно повернулся к ней спиной и пошел к пианино, стоявшему у стены. Подойдя, сел на табурет и окинул взглядом клавиатуру. Затем положил оба пистолета на край, с левой стороны.

Руки взлетели вверх и тут же опустились на клавиши.

Комната наполнилась звуками Ноктюрна № 20 до-диез минор Шопена, и Мила едва не задохнулась от на-

пряжения шейных мышц. Пальцы маэстро легко двигались по клавишам, завораживая, гипнотизируя Милу нежностью звуков.

Пытаясь вернуть ясность сознания, она потихоньку скользила назад босыми пятками, пока вновь не очутилась в коридоре. Там перевела дух и немного успокоила бешено бьющееся сердце. Затем неотступно преследуемая мелодией, обежала все помещения. Кабинет. Ванную. Кладовку.

Добралась до закрытой двери.

Толкнула створку плечом. Рана на бедре отозвалась болью, и Мила перенесла упор на дельтовидную мышцу. Деревянная створка подалась.

Слабый свет из коридора разрядил завесу мрака в помещении, где окна казались заколоченными. Следуя за бликом света, Мила встретила взглядом с парой влажных испуганных глаз. Паблито сидел там, на кровати, подтянув ноги к худенькому тельцу. На нем были только трусики и майка. Судя по выражению лица, он пытался сообразить, стоит или нет бояться Милу, является ли и она частью его кошмарного сна.

— Пойдем отсюда, — сказала она то, что всегда говорила потерявшемуся ребенку.

Он закивал, вытянул руки и обхватил ее за шею. Мила прислушалась к звукам, доносившимся из гостиной: музыка продолжала свою погоню за ней. Ей вдруг стало страшно, что пьеса слишком скоро кончится и они не успеют уйти из дома. В сознании возникла новая тревога. Она рискует жизнью — своей и заложника. И теперь ей страшно. Страшно снова ошибиться. Страшно споткнуться на последнем шаге, который вынесет ее прочь из этой проклятой норы, и понять, что дом ее не выпустит, опутает коконом, навсегда сделает своей пленницей.

Однако дверь распахнулась, и они очутились в скудном, но утешительном свете дня.

Когда сердцебиение совсем унялось и она сумела выбросить из головы пистолет, оставшийся в доме, и покреп-

че прижать Пабло к себе, согреть своим теплом, избавить от всех страхов, мальчик шепнул ей на ухо:

— А она с нами не пойдет?

Ноги вдруг отяжелели, как будто вросли в землю. Она пошатнулась, но равновесия не потеряла.

И спросила, сама не зная зачем, быть может подчиняясь осознанию, от которого стыла кровь:

— А где *она*?

Мальчик поднял руку и пальцем показал на второй этаж. Дом насмешливо, будто издеваясь, пялился на них всеми своими окнами и распахнутой дверью, которая только что выпустила их.

И тогда страх ушел совсем. Мила преодолела последние метры, отделявшие ее от машины. Усадив маленького Пабло на сиденье, она сказала ему тоном торжественного обещания:

— Я скоро.

И ее вновь поглотил дом.

Она опомнилась у подножия лестницы. Поглядела наверх, не задумываясь о том, что там найдет. И начала подъем, держась за перила. Шопен по-прежнему преследовал ее в этих поисках. Она одолевала ступеньку за ступенькой, не отрывая руки от перил, которые, казалось, удерживали ее на каждом шагу.

Музыка внезапно оборвалась.

Мила замерла и прислушалась. Потом сухо грянул выстрел, за ним последовал глухой звук падения и несколько беспорядочных нот, — учитель музыки упал на клавиатуру. Мила буквально взлетела на верхний этаж. У нее не было уверенности в том, что это не очередной обман. Лестница сворачивала на площадку, продолжением которой был узкий коридор, устланный ковровым покрытием. В глубине его виднелось окошко. А под ним — человеческое тело, казавшееся против света невероятно хрупким и тонким; ноги стоят на стуле; руки протянуты к свисаю-

щей с потолка петле. Мила увидела, как девушка пытается просунуть голову в эту петлю, и вскрикнула. Она тоже увидела Милу и заторопилась. Ведь именно так он сказал, именно так научил ее:

— Если они придут, убей себя.

«Они» — это все люди, внешний мир, те, кто не поймет и никогда не простит.

Мила метнулась к девушке в отчаянной попытке остановить ее. И чем ближе подбегала, тем больше ей казалось, что она бежит против часовой стрелки.

Много лет назад, в другой жизни эта девушка была маленькой девочкой.

Мила очень хорошо запомнила ее фотографию, поскольку основательно изучила ее, мысленно запечатлела каждую черточку, каждую складочку, занесла в реестр каждую особую приметку вплоть до малейших изъянов на коже.

И глаза... Голубые, с золотистыми искорками. Способные сохранить сверканье вспышки. Глаза десятилетней девочки Элисы Гомес. Сфотографировал ее отец, украдкой, в праздник, когда она разворачивала подарок, не обращая внимания ни на что другое. Мила представляла себе, как отец окликает девочку и неожиданно щелкает аппаратом. Элиса даже не успевает удивиться. Выражение, запечатленное камерой, не передать словами: волшебное приближение улыбки, прежде чем она расцветет на губах и заиграет во взгляде, как только что народившаяся звезда.

Ничего удивительного, что родители Элисы Гомес дали именно эту фотографию, когда Мила попросила у них недавний снимок. Нельзя сказать, чтоб он подходил для поставленной цели: на нем выражение лица Элисы было неестественным, и потому едва ли по нему можно было составить представление о том, как изменилось это лицо с годами. Коллеги Милы, задействованные в расследовании, остались недовольны. Но Мила проигнорировала

их ворчание, так как чувствовала энергию, исходящую от этого снимка. Именно на нее она будет ориентироваться. Не на лицо среди многих лиц, лицо обычной девочки, одной из многих, а именно на *эту* девочку с *этим* огнем в глазах. Если, конечно, за это время кто-нибудь не погасил его.

Мила едва успела схватить ее за ноги, прежде чем тело всей тяжестью повисло на веревке. Она извивалась, упиралась, пыталась кричать. Пока Мила не назвала ее по имени.

— Элиса, — сказала она с нежностью.

И та узнала себя.

Хотя забыла, кто она такая. Годы плена искоренили все приметы личности. Они отхватывали каждый день по кусочку, пока не внушили ей, что этот человек — ее семья, а остальной мир вычеркнул ее из своих списков.

Элиса с недоумением посмотрела Миле в глаза. И успокоилась, позволила себя спасти.

3

Шесть рук. Пять имен.

С этой загадкой опергруппа покинула лесную поляну, переместившись в стоящий на дороге фургон. Горячий кофе с бутербродами не слишком вязался с возникшей ситуацией, хотя и был призван хоть как-то взбодрить присутствующих.

Впрочем, никто в это холодное февральское утро и не подумал протянуть руку к еде.

Стерн вытащил из кармана коробочку с мятными пилюлями и вытряхнул две на ладонь, а затем отправил прямо в рот. Сказал, что они помогают ему думать.

— Как это возможно? — добавил он, обращаясь больше к себе, чем к другим.

— Скотство! — почти неслышно вырвалось у Бориса.

Роза искала в фургоне точку, на которой можно было бы сосредоточить внимание. Горан заметил это. Он понимал, что ее мучает: у нее дочь — ровесница тех девочек. Когда сталкиваешься с преступлениями против малолетних, прежде всего думаешь о своих детях. Спрашиваешь себя: что, если... Но не даешь себе закончить этот вопрос, потому что от одной мысли плохо становится.

— По кускам выдает, — пробормотал старший инспектор Рош.

— Мы для этого здесь? Собирать трупы? — с досадой спросил Борис, человек действия, не представлявший себя в роли могильщика.

Карризи Д.

К 26 Подсказчик : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. И. Заславской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16489-5

Пять девочек исчезают одна за другой.

Пять крошечных захоронений найдены на лесной опушке.

В каждом — маленькая рука. Левая.

С самого начала расследования у следователей возникает ощущение, что ими манипулируют, ведь каждая новая находка отсылает их к новому убийце. К делу привлекают Милу Васкес, специалиста по похищениям.

И тут возникает теория, в которую никто не хочет верить...

Захватывающий триллер известного итальянского писателя Донато Карризи «Подсказчик», где за вымыслом стоят реальные факты, публикуется в новом переводе.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДОНАТО КАРРИЗИ
ПОДСКАЗЧИК

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Алла Борисова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Татьяна Бородулина, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.04.2019. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 21,15.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBD-24937-01-R